

МИМОХОДОМЪ.

Дуэль Беклемишева съ Чеклюдовымъ.

Въ 1858 году генераль-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, по занятіи Амурскаго края, опубликовалъ въ газетахъ вызовъ на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, преимущественно юридическимъ, для опредѣленія на предложенныя тамъ должности по гражданскому управленію.

Соблазнившись этимъ выводомъ, четверо студентовъ нашего (Кіевскаго) университета: Реутскій, Линко, Корсунъ и я, рѣшились попытать счастья въ далекой странѣ, привлеченные славой Муравьева, который, по словамъ газетъ „цѣнитъ въ людяхъ только честность и трудъ, а на протекціи и связи не обращаетъ никакого вниманія“.

Первый изъ насъ, Реутскій, устроился благополучно, благодаря случайной встрѣчѣ съ кяхтинскимъ градоначальникомъ Деспотомъ-Зеновичемъ, который предоставилъ ему должность по судебному вѣдомству съ достаточнымъ вознагражденіемъ. А какъ устроились остальные, видно изъ нижеслѣдующаго изложенія.

Я пріѣхалъ въ Иркутскъ въ августъ 1859 г. Время это было самое неблагопріятное. Весь городъ раздѣлился на два лагеря: одни утверждали, что между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ происходила правильная дуэль, другіе — что Беклемишевъ убилъ Неклюдова предательскимъ способомъ. Мои товарищи-студенты принадлежали ко второй категоріи, очутились такимъ образомъ въ оппозиціи къ преобладающей власти, стоявшей за Беклемишева, и, конечно, претерпѣли разныя невагоды.

Вотъ, что они рассказали. Николай Николаевичъ Муравьевъ окружилъ себя молодежью изъ числа лиценстовъ, во главѣ которыхъ стоялъ любимчикъ „Ѳединька“ Беклемишевъ, какъ звали его въ обществѣ, вѣроятно, за его маленькій ростъ и узенькіе татарскіе глаза. Онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Муравьева; ему поручались огромной важности дѣла, сопряженныя съ крупными расходами казны, напр. водвореніе переселенцевъ въ Забайкальской области, и никакія жалобы, что бы онъ ни дѣлалъ, не принимались во вниманіе. Все работало предъ Беклемишевымъ; кому онъ благоволилъ, тотъ пользовался благосклонностію Муравьева, кто поналъ въ немилость „Ѳединьки“, тому приходилось очень плохо.

Ближайшими друзьями Беклемишева и тсварщиками по Александровскому лицее были Анненковъ и Гурьевъ. Первый былъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и, какъ человѣкъ богатый (помѣщикъ Тверской губерніи), служилъ исключительно изъ-за отличій — чиновъ и орденовъ. Второй — Гурьевъ, родной внукъ извѣстнаго министра финансовъ, состоялъ Иркутскимъ исправникомъ и считался честнымъ и распорядительнымъ чиновникомъ. Собственно о служебныхъ дѣйствіяхъ Анненкова и Гурьева неблагопріятныхъ отзывовъ въ обществѣ не было, но близость ихъ къ Беклемишеву бросала невыгодную тѣнь и на ихъ репутацію.

Былъ еще одинъ чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ Неклюдовѣ, правовѣдъ по образованію и аристократъ по происхожденію. Его отца въ то время уже не было въ живыхъ, а мать была статсъ-дамой при Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Этотъ юноша былъ совсѣмъ иного склада: умный, хорошо воспитанный, обеспеченный матеріально, онъ не для карьеры пріѣхалъ въ Иркутскъ — карьера обеспечена ему была и въ Петербургѣ, — а съ горячимъ желаніемъ принести обществу и государству посильную пользу и пріобрѣсть служебный опытъ для будущей дѣятельности. Увы, желанію этому не суждено было осуществиться. Суровый Муравьевскій режимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольные поступки его любимца и крайняя приниженность общества оттолкнули его отъ Муравьевскаго кружка и отъ сибирской службы и побудили желать возвратиться въ Петербургъ.

При Муравьевѣ, какъ извѣстно, происходили крайне

оживленные сношенія съ центральнымъ управленіемъ Китая, такъ какъ мѣстные амбань-бейсы уклонялись принимать какое-либо участіе въ рѣшеніи не только общихъ, но даже и мѣстныхъ пограничныхъ дѣлъ, изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе властолюбиваго и всемогущаго князя Гун-син-вана. Это вызывало необходимость частой отправки въ Китай курьеровъ съ политическими депешами.

Путевыя пособія курьерамъ отъ Иркутска до Троицко-завска выдавались по чинамъ и по числу верстъ (550), далѣе же по Монголіи до Пекина — по числу станцій или, вѣрнѣе, подставъ свѣжихъ лошадей для курьера и его багажа, по 3 плитки ямбоваго серебра (т. е. 6 р.) на каждую подставу, а впоследствии по 3 серебряныхъ рубля = по курсу 4 р. 50 к., при чемъ никакой отчетности въ расходѣ того и другого вида путевыхъ пособій не требовалось.

Обыкновенно курьерами посылали или чиновниковъ дипломатической канцеляріи или кого-либо изъ переводчиковъ китайскаго и монгольскаго языковъ. Но одинъ разъ такое порученіе было дано Неклюдову. И вотъ, когда онъ возвратился изъ Пекина, то неизвѣстно кѣмъ былъ пущенъ слухъ, что онъ не уплачивалъ ямщикамъ монголамъ сполна всѣхъ денегъ по положенію, а оставилъ будто бы прогоны въ свою пользу. Кто распустилъ эту клевету, осталось неизвѣстнымъ; но предполагать можно, что—тотъ, кому это было нужно, кто чувствовалъ за собою грѣхи и опасался разоблаченія ихъ Неклюдовымъ.

Несмотря на всю пелѣность этого слуха, несмотря на разслѣдованіе, произведенное переводчикомъ Головкинымъ, при чемъ опрошенные ямщики монголы рѣшительно заявили, что свои ланы они получили сполна, несмотря на удостовѣреніе китайскаго пограничнаго начальника (дзаргучея), что къ нему отъ ямщиковъ не поступало ни одной жалобы,—клевета, какъ всегда, сдѣлала свое дѣло: иркутское общество изъ угодливости предъ Беклемишевымъ закрыло двери Неклюдову. Ему остались вѣрными только двое друзей Панасевичъ и Чаплевскій; но первый былъ тяжело боленъ и много мѣсяцевъ лежалъ въ постели, а второй былъ командированъ въ тайгу на частныя приски для разслѣдованія злоупотребленій, допущенныхъ золото-промышленниками въ отношеніи рабочихъ. Неклюдовъ остался одинокимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца

весенней распутицы, чтобъ воспользоваться обѣщаннымъ ему отпускомъ въ Петербургъ.

Но этому не суждено было сбыться. Въ апрѣлѣ 1859 г., въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, Неклюдовъ, истомленный одиночествомъ и невеселыми думами „безъ вины виноватаго“, рѣшился пойти въ Иркутскій клубъ, чтобъ почитать газеты и журналы. Не будучи членомъ клуба, онъ всегда записывался на имя своего друга Панасевича; такъ онъ поступилъ и на этотъ разъ. Но, какъ только онъ вошелъ въ танцевальную залу въ моментъ перерыва танцовъ, къ нему обратился дежурный старшина Беклемишевъ, и узнавъ, что онъ записался на Панасевича, умышленно громко сказалъ: „здѣсь Панасевича нѣтъ, уходите вонъ“. Неклюдовъ не сталъ спорить, понявъ, что Беклемишевъ желалъ устроить крупный скандалъ, и повтому, повернувъ обратно, онъ тихо и спокойно сказалъ: „помните, Оединька вамъ это даромъ не пройдетъ“.

Можно представить, каково было душевное состояніе Неклюдова послѣ нанесеннаго ему оскорбленія: онъ весь былъ поглощенъ мыслью отомстить, жестоко, безпощадно, отомстить немедленно. Съ этою цѣлью онъ сталъ поджидать Беклемишева невдалекѣ отъ его квартиры, и когда онъ возвратился изъ клуба, Неклюдовъ черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ домъ, сказавъ слугѣ, что онъ—къ Федору Андреевичу по приказанію временнаго генералъ-губернатора генерала Венцеля. Что затѣмъ произошло между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, конечно, никто не видѣлъ, а слугѣ приказано было молчать; но на другой же день весь Иркутскъ уже зналъ, что Беклемишевъ избитъ, что у него сине-багровыя пятна подъ глазами, что все лицо обложено компрессами и проч. Конечно, всѣ предполагали что этимъ дѣло не кончится, что дуэль неизбежна. И она дѣйствительно состоялась въ половинѣ апрѣля 1859 г., за кладбищемъ въ мелколѣсѣ, невдалекѣ отъ казенныхъ складовъ—порохового и соляного, отстоявшихъ одинъ отъ другого не болѣе версты.

Какъ происходила дуэль, были ли соблюдены обычныя дуэльныя правила,—мнѣнія раздѣлились: сторонники Беклемишева утверждали, что—дуэль была правильная, честная; противники говорили иное. По словамъ послѣднихъ, это было организованное убійство, такъ какъ во-первыхъ у Неклюдова не было секунданта, хотя ему навязали Молчанова (изъ Беклемишевской партіи), да и тотъ къ мѣсту

дуэли въ назначенный часъ не прѣхалъ, во-вторыхъ никто изъ врачей не былъ приглашенъ, въ третьихъ раненаго Неклюдова болѣе часа возили по городу, разыскивая кого-либо изъ докторовъ, которые, кстати сказать, всѣ попрятались, пока наконецъ Неклюдовъ не скончался. Не догадался также никто пригласить священника, чтобы подать ему послѣднее утѣшеніе. Вотъ, что говорили противники и выражали надежду, что слѣдствіе раскроетъ правду.

Объ этомъ происшествіи, конечно, было донесено генералъ-губернатору Муравьеву, который въ это время находился въ Кяхтинскомъ градоначальствѣ, при чемъ доложено, что производство слѣдствія поручено дѣйств. стат. сов. Успенскому. Муравьевъ выборъ этотъ одобрилъ. Но противники Беклемишева этимъ выборомъ были крайне опечалены, такъ какъ знали, что Успенскій—одинъ изъ самыхъ льстивыхъ чиновниковъ, преклонявшійся предъ Беклемишевымъ и этимъ путемъ заслужившій благоволеніе Муравьева. И Успенскій вполнѣ оправдалъ это незавидное объ немъ мнѣніе: онъ разрѣшилъ трупъ Неклюдова безъ вскрытія похоронить на другой же день; платье Неклюдова не было описано подробно, что въ особенности было необходимо сдѣлать относительно мѣста, гдѣ пуля вошла въ грудь Неклюдова, для точнаго выясненія—не былъ ли выстрѣлъ сдѣланъ въ упоръ, при чемъ края пулевой дыры на платьѣ были обожжены; извощки, находившіеся вблизи мѣста „дуэли“ (?) скрылись изъ Иркутска (или имъ было приказано скрыться) и „по самымъ тщательнымъ розыскамъ не обнаружены“, на показанія часовыхъ у порохового и соляного складовъ, что они слышали только одинъ выстрѣлъ, не было обращено должнаго вниманія; показанія Беклемишева и его сторонниковъ приняты какъ самая истина и оставлены безъ провѣрки; не введено Успенскимъ въ слѣдствіи и то обстоятельство, о которомъ громко говорилъ весь городъ, что вице-губернаторъ Шелеховъ и полицеймейстеръ Сухотинъ влѣзли на кладбищенскую колокольню и оттуда въ бинокли наблюдали кровавую расправу Беклемишева съ Неклюдовымъ, и проч.

Въ такомъ видѣ слѣдственное производство было представлено въ судъ, которому не оставалось ничего иного, какъ назначить Беклемишеву самое легкое наказаніе—церковное покаяніе.

Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, такъ какъ губернскаго прокурора Ольдскоиъ, хотя и неохотно и

съ великимъ страхомъ, опротестовалъ его въ Правительствующій Сенатъ.

Здѣсь необходимо объяснить, что Ольдскопъ былъ правовѣдъ по образованію и вообще честный человѣкъ, но слабаго характера и крайне боязливый. Его рѣшимость опротестовать, послѣ долгаго колебанія, приговоръ суда не была результатомъ его собственной инициативы, а была вызвана нравственнымъ давленіемъ прибывшихъ въ Иркутскъ на службу студентовъ разныхъ университетовъ и нѣкоторыхъ иркутскихъ гражданъ. Всѣ эти лица постоянно сходились въ библиотекѣ М. В. Штутенева и, помимо чтенія газетъ и журналовъ, сообщали другъ другу городскія новости и обсуждали текущія событія и дѣйствія администраціи.

Конечно, и слѣдственное производство о дуэли и судебное о немъ рѣшеніе не могли остаться безъ суровой критики молодыхъ юристовъ, которой вполне сочувствовалъ и самъ Ольдскопъ.

Вслѣдствіе протеста прокурора Сенатъ отмѣнилъ все производство по мотивамъ, указаннымъ въ рапортѣ Ольдскопа, и предписалъ произвести новое слѣдствіе. Конечно, на этотъ разъ даже и чрезвычайно смѣлый Успенскій не осмѣлился уже отступить отъ строгихъ указаній Сената, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Иркутскѣ настойчиво говорили, что Муравьевъ будетъ скоро отозванъ и, слѣдовательно, почтенному Петру Николаевичу не на кого будетъ надѣяться.

Нѣтъ необходимости подробно описывать слѣдственные дѣйствія, которыя въ этотъ разъ произведены Успенскимъ правильно, какъ-то: вырытіе изъ могилы трупа, оказавшагося замороженнымъ, а по оттаиваніи—не подвергшимся разложенію, вскрытіе трупа въ присутствіи понятыхъ, розыскъ извозчиковъ и проч. Но нельзя не упомянуть, что при вскрытіи обнаружено было одно крайне странное обстоятельство, о которомъ рассказывали понятые, а именно: пуля вошла между вторымъ и третьимъ ребромъ правой стороны груди, прошла внутри *вертикально внизъ* и остановилась у одного изъ поясничныхъ позвонковъ. Конечно, пуля изъ слабаго пистолета, встрѣтивъ твердое препятствіе (напр. ребро), можетъ нѣсколько измѣнить свое горизонтальное, обычное при дуэляхъ, направленіе; но прямо вертикальное ея направленіе даетъ большое основаніе предполагать, что выстрѣлъ сдѣланъ былъ сверху внизъ, т. е.

что Беклемишевъ, какъ многіе были убѣждены, подѣхавъ на извожикъ къ Неклюдову вплотную, поднялся на пролеткъ во весь ростъ и выстрѣлилъ сверху въ упоръ. Обстоятельство это слѣдователемъ не было выяснено; но повторяю, значительная часть Иркутскихъ жителей была убѣждена, что дѣло именно такъ происходило.

Какъ бы то ни было, новое слѣдствіе и судъ имѣли для Беклемишева результатъ неблагопріятный — годъ крѣпости, но безъ лишенія или ограниченія правъ. А такъ какъ въ Иркутскѣ крѣпости не было, то Беклемишеву пришлось отбывать наказаніе въ военной гауптвахтѣ. Конечно, для такого важнаго арестанта помѣщеніе караульни приведено было въ такой видъ, въ какомъ оно никогда не было: появились ковры, цвѣты и проч., и самъ режимъ этого военного учрежденія для Беклемишева не существовалъ — во всякое время дня и ночи къ нему свободно прѣзжали знакомые мужчины и женщины, привозили разное угощеніе, развлекали разговорами и игрою въ карты. По истеченіи года Беклемишевъ вышелъ въ отставку и навсегда уѣхалъ изъ Сибири.

Тяжело отразилась эта такъ называемая „дуэль“ на нѣкоторыхъ студентахъ, о которыхъ Муравьеву было донесено, что они громко порицаютъ дѣйствія слѣдователя, администраціи и суда. Въ наказаніе имъ Муравьевъ издалъ приказъ: „Вповъ причисленныхъ къ главному управленію Восточной Сибири студентовъ разныхъ университетовъ никуда не назначать и ни къ чему въ Иркутскѣ не командировать, дабы они не просили о содержаніи“.

Этотъ актъ Муравьевской прославленной мудрости не нуждается въ какой-либо иллюстраціи: онъ самъ за себя говоритъ.

Особенно пострадали двое: Линко и Подлѣсный Первый, очень способный, трудолюбивый и глубоко честный человекъ, прибывшій въ Иркутскъ за полгода до „дуэли“, сначала еще получалъ въ главномъ управленіи судебную работу, которую начальство оставалось довольно, но никакого однако же вознагражденія ему не давало, а потомъ послѣ „дуэли“ и этой работы лишился. Издержавъ на квартиру и свое продовольствіе жалкіе остатки отъ путевыхъ пособій, Линко доведенъ былъ до необходимости продавать свое небогатое имущество, т. е. платье, обувь и часть бѣлья; а когда и этого не стало, онъ взялъ у хозяина топоръ и сталъ ходить на „точокъ“ (биржа труда) съ предложеніемъ

услугъ по расколкѣ пиленыхъ сунковъ на „швырокъ“ (мелкія дрова). Немного онъ, бѣдняга, зарабатывалъ этимъ тяжелымъ непривычнымъ трудомъ, но все-таки—достаточно, чтобъ платить за квартиру и существовать впроголодь. Наконецъ, убѣдившись, что ему въ Иркутскѣ ждать нечего, и сознавая, что доведешный до отчаянія онъ можетъ совершить кому-либо изъ властныхъ лицъ непоправимое зло (*ira pessimus consultor*), Линко подалъ въ отставку и иѣшкомъ ушелъ изъ Иркутска, присоединившись къ чайному обозу.— Слышно было, что онъ добрался до Казани и тамъ устроился на одномъ изъ частныхъ пароходовъ, въ качествѣ помощника капитана.

Второй, Подлѣсный, тоже вышелъ въ отставку и поступилъ къ горному ревизору Чайковскому вольнонаемнымъ писаремъ. Но къ чести Чайковскаго нужно сказать: онъ недолго пользовался услугами Подлѣснаго въ такой несоотвѣтственной его образоваціи и способностямъ должности, онъ разстался съ нимъ, но широко помогъ ему устроить въ Красноярскѣ собственное дѣло. Обладая хорошею учительскою подготовкою и зная теоретически французскій и нѣмецкій языки, Подлѣсный задумалъ открыть пригготовительную школу, пригласивъ священника для преподаванія Закона Божія и одного изъ учителей уѣднаго училища—для Русскаго языка. Еписейскій губернаторъ Павелъ Никол. Замятинъ (родной братъ бывш. министра юстиціи) вполне одобрилъ проектъ Подлѣснаго и далъ „словесное“ разрѣшеніе на открытіе школы. Дѣло пошло весьма успѣшно. Разумная и добросовѣстная постановка преподаванія, полное отсутствіе наказаній и ровное дружелюбное отношеніе къ дѣтямъ привлекли къ Подлѣсному всеобщія симпатіи красноярцевъ, называвшихъ его „учитель благій“. Такъ процвѣтала школа болѣе двухъ лѣтъ, какъ вдругъ изъ Иркутска пришло предписаніе школу закрыть, какъ устроенную безъ должнаго „письменнаго“ разрѣшенія, а съ Подлѣснаго взыскать такой-то штрафъ.— После такого погрома Подлѣсному оставалось только бѣжать по-добру по-адорову изъ непривѣтливой Сибири, администрація которой и послѣ Муравьева руководилась его системой: разбить, сокрушить и отдать подъ надзоръ полиціи.

Вѣроятно, такая же подобная, какъ Линкѣ и Подлѣсному, участь грозила и мнѣ, по меня спасъ неожиданный вызовъ кяхтинскаго градоначальника съ приглашеніемъ

на небольшую, но опредѣленную должность. Я рѣшился воспользоваться этимъ приглашеніемъ и въ концѣ ноября 1859 г. оставилъ Иркутскъ.

Наконецъ и остальные студенты: Кokoшкинъ и Слотвинскій, прождавъ напрасно цѣлый годъ въ качествѣ причисленныхъ къ главному управленію В. Сибири, переѣхали въ кяхтинское градоначальство, гдѣ и были устроены на дѣйствительную государственную службу.

В. Мерцаловъ.

